

Рахманинова отслужили в консерватории

Коммерсантъ - 2003 - 26 сент. - с. 21.
концерт духовная музыка

В Большом и Рахманиновском залах консерватории проходит недельный цикл концертов «Рахманинов. Коллекция шедевров», представляемый Государственной симфонической капеллой под управлением Валерия Полянского. Духовная музыка, разумеется, в число шедевров попала — уже прозвучали «Всенощное бдение» и «Литургия св. Иоанна Златоуста». Рассказывает СЕРГЕЙ ХОДНЕВ.

Надо бы, правда, сказать, что столь бравурное открытие сезона (три оперы, три симфонии, два духовных сочинения) — детище не только маэстро Полянского, но и одной новой культурной институции, которая претендует на одну из первых ролей в предстоящем музыкальном сезоне. Речь о дирекции концертных программ Министерства культуры, эдакой «Филармонии-2», очень уместно заявившей о себе как раз в одно время со всякими волнительными событиями в руководстве самой филармонии — там назначен новый директор. «Рахманинов. Коллекция шедевров» — пилотный проект дирекции, придуманный без особого шика, но в общем добротнo. У Валерия Полянского на часть фестивальной программы действительно особые права: он был одним из тех людей, благодаря которым с духовной музыки Рахманинова еще в позднесоветское время сняли официальный запрет.

Трудно сказать, в чем тут дело — в известной ли художественной косности православия, в отсутствии ли действительно сильной традиции авторской духовной музыки (и, соответственно, авторских вольностей), которая была в Европе. Но православная духовная музыка вообще гораздо более робко заявляет о себе как уже совсем самостоятельном произведении, чем западная. Даже в начале XX века, в пору поисков и экспериментов. Нуда, Александр Гречанинов, например, писал для хора и органа, но только потому, что сам искренне мечтал ввести орган в православное богослужение. Вообще, для того времени, в которое Рахманинов написал свою «Литургию» (1910), характерна потребность навязывать духовной музыке стандартные консерваторские стереотипы (это был уже совсем дурной тон), а скорее сочинительская потребность навязать себе нечто важное, наугад вычитываемое в стихии церковной музыки. Тонкая, но разница.

Рахманинов с самого начала думал и говорил о «Литургии» как о концертном произведении. Здесь его пока не занимал арсенал традиционных распевов и прочие вопросы музыкально-археологического свойства, которыми он увлечется чуть позже, работая над «Всенощной». Он просто сочинял —

быть может, довольно запальчиво, но тем не менее аккуратно, если не сказать педантично. Ведь ему никто не мешал превратить «Литургию» в цикл более или менее подходящих для концертной переработки композиций. Однако он скрупулезно переложил на музыку буквально каждое слово, отведенное хору в богослужебной практике.

При исполнении это всегда звучит довольно странно: все равно как если при исполнении Эсхила или Софокла на сцену выйдет один хор и отбарабанит свою партию при полном отсутствии актеров. Скажем, есть в богослужении такая форма, как ектении: дьякон произносит фразы-прошения, в ответ на которые хор (всего-навсего рефреном) повторяет: «Господи помилуй». И их, этих ектений, много. Иными словами, Рахманинову пришлось сочинять такие пассажи, где временами просто десятки раз подряд повторяется одно и то же «Господи помилуй» и ничего больше. Кто бы только мог ожидать, что это многократное повторение как по четкам под руководством Валерия Полянского превратится в нечто куда менее формальное! Лелея оттенки рахманиновского письма, хор вместо унылой монотонии всякий раз выводил в этих случаях ступки прочувствованной и скорее радостной медитативности — интерпретация, рассчитанная очень верно, потому что тогда «большие» номера «Литургии» действительно вставляли в строго и красиво расчерченную композицию.

Хор капеллы вообще обнаружил отличную форму — множество молодых певцов, звучные и четкие голоса, бьющий через край энтузиазм. Изредка, правда, энтузиазм превосходил разумную меру и в ткани произведения появлялись подавляющие эмоциональные акценты, не всегда совпадающие со смыслом произносимого текста. Максимальное ударение исполнители сделали на «Символе веры» — на первый взгляд малопонятно: и само место не так уж настойчиво этого требует, и музыкальный материал не слишком ошеломляющий. Все же постепенно становится понятным и это — повествование об основных истинах веры со своим сюжетом и со своей драматургией превращается таким образом в стержень, вокруг которого выстраивается все здание «Литургии».

При первом исполнении «Литургии» в Петербурге в 1910 году атмосферу на концерте старались создать высокодуховную — вроде бы даже воспретили хлопать. Сейчас в Рахманиновском зале аплодировать, конечно, не возбраняли никому. Однако и дирижер, и хор сразу же по окончании «Литургии», избегая раскланиваний и воздушных поцелуев, почти что поспешно ушли со сцены. Скромно, но с видом выполненного долга.